

РОЛЬ НАУЧНОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СПАСЕНИИ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ (1917–1927 ГГ.)

© 2024

Татаренкова Н.А.

Самарский государственный медицинский университет (г. Самара, Российская Федерация)

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема отношения к культурному наследию после произошедшей в России в 1917 г. смены модели общественного развития. Анализируются противоречивые процессы по постановке на учет и сохранению историко-художественных ценностей. На основе архивных источников показывается деятельность Всероссийской коллегии по охране памятников искусства и старины и ее местных отделений. Подчеркивается роль научной и художественной интеллигенции в спасении культурных ценностей. Даются характеристики таких ее представителей, как В.Н. Перетц, М.Н. Тихомиров, К.К. Романов, Н.Г. Порфиридов, Л.А. Дурново и др. Указывается, что многие подвижники культуры в сложный послереволюционный период своим скромным трудом помогли сохранить памятники истории и культуры. На их примере дается собирательный образ таких подвижников, наиболее яркими чертами которого были глубочайшая интеллигентность, высокий профессионализм, самоотверженное служение обществу и культуре, полное отсутствие каких-либо меркантильных интересов, необыкновенная увлеченность своим делом и глубокое осознание своей миссии по спасению культурных ценностей, упорство и настойчивость в ее осуществлении. Делается вывод о том, что к спасению художественно-исторических ценностей привлекались подготовленные к этому специалисты, благодаря чему удалось сберечь значительную часть культурного наследия России и ее богатейшие традиции.

Ключевые слова: губернский отдел народного образования; культура; культурное наследие; музей; научная интеллигенция; Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата просвещения; памятники истории и культуры; художественная интеллигенция; художественные ценности.

THE ROLE OF SCIENTIFIC AND ARTISTIC INTELLIGENTSIA IN THE SALVATION OF CULTURAL VALUES (1917–1927)

© 2024

Tatarenkova N.A.

Samara State Medical University (Samara, Russian Federation)

Abstract. The article deals with the actual problem of attitude to cultural heritage after the change of the model of social development in Russia in 1917. The contradictory processes of registration and preservation of historical and artistic values are analyzed. Based on archival sources, the activities of the All-Russian Board for the Protection of Monuments of Art and Antiquity and its local branches are shown. The role of scientific and artistic intelligentsia in saving cultural values is emphasized. The characteristics of such representatives as V.N. Peretz, M.N. Tikhomirov, K.K. Romanov, N.G. Porfiridov, L.A. Durnovo, et al are given. It is indicated that many cultural devotees in the difficult post-revolutionary period helped to preserve historical and cultural monuments with their modest work. Using their example, a collective image of such ascetics is given, the most striking features of which were the deepest intelligence, high professionalism, selfless service to society and culture, complete absence of any mercantile interests, extraordinary dedication to their work and deep awareness of their mission to save cultural values, perseverance and perseverance in its implementation. It is concluded that specialists trained in this field were involved in the rescue of artistic and historical values, thanks to which it was possible to preserve a significant part of Russia's cultural heritage and its richest traditions.

Keywords: provincial Department of Public Education; culture; cultural heritage; museum; scientific intelligentsia; Department for Museums and Protection of Monuments of Art and Antiquity of the People's Commissariat of Education; historical and cultural monuments; artistic intelligentsia; artistic values.

Октябрьская революция 1917 г. вызвала глубокие изменения не только в политической и социально-экономической жизни России, но и в культуре. В ситуации коренных перемен чрезвычайно остро встал вопрос об отношении к богатейшему культурному наследию, которым располагала страна. Его спасение стало возможным благодаря тому, что многие представители научной и художественной интеллигенции, несмотря на то что революция произвела на них ошеломляющее впечатление, согласились сотрудничать с новой властью. В научной литературе проанализирован этот процесс, протекавший преимущественно

в столичных регионах – Москве и Петербурге. В гораздо меньшей степени мы знаем о рядовых подвижниках культуры в российской провинции, её малых городах и весях. Целью данной статьи автор ставит рассмотрение роли музейных работников, представителей научной и художественной общественности в сохранении культурных ценностей в сложнейший для России послереволюционный период.

В состав учрежденной в марте 1918 г. Всероссийской коллегии по делам музеев и охраны памятников искусства и старины вошли выдающиеся ученые, директора центральных музеев, художники. Задача

ми коллегии являлись выработка мер охраны памятников искусства и старины в государственном масштабе, установление принципов музейного строительства, разработка вопросов реставрации и ремонта памятников старины [1, л. 22], создание норм, пресекающих возможность вывоза художественных ценностей за пределы Российской республики [2, л. 3].

Платформой, на которой складывалось сотрудничество научной и художественной интеллигенции с новой властью, стали основные принципы отношения к культурному наследию, которые были сформулированы музейными работниками, искусствоведами, реставраторами до революции 1917 г.: культурные ценности являются общенациональным достоянием, условием же его развития должны быть демократизация музейного дела и культуры в целом. Эта позиция на начальном этапе преобразований совпала с той, которую проводил Наркомпрос в лице его руководителя А.В. Луначарского. В сентябре 1918 г. он говорил: «Отбросить науки и искусство прошлого под предлогом их буржуазности так же нелепо, как отбросить под тем же предлогом и машины на заводах или железные дороги» [3, л. 18–19].

После создания Всероссийской коллегии по делам музеев и охраны памятников искусства и старины по всей стране развернулась работа по выявлению и взятию на государственный учет памятников истории и культуры. В 1918 г. Наркомпрос подчеркивал, что только «общими усилиями, при условии единого сомкнутого строя можно надеяться спасти для будущей России уцелевшие остатки её культурно-исторических сокровищ» [4, л. 6 об.]. Благодаря своевременному созданию органов охраны памятников в губерниях страны «было спасено для Республики громадное художественное достояние и упорядочено музейное строительство в провинции» [5, л. 48].

Во вновь созданные государственные органы охраны памятников искусства и старины было привлечено большое число специалистов-профессионалов, которые спасали культурные ценности как в центре России, так и на местах. Имена многих из них приводятся на страницах «Музейной энциклопедии» [6, с. 402]. Роль некоторых представителей научной и художественной интеллигенции в сохранении культурного наследия страны рассматривалась нами в ряде ранее вышедших публикаций [7].

Ведущую роль в создании музеев в Самарской губернии сыграли ученые Самарского университета, художники и те представители интеллигенции, которые остро осознавали необходимость сохранения культурного наследия в ситуации крайней политической и экономической нестабильности. Среди них – А.В. Багрий, В.Н. Перетц, П.А. Преображенский, А.С. Башкиров, М.Н. Тихомиров, В.В. Гольмстен и др. [8]. Благодаря их усилиям в музеях университета появились богатые археологические и этнографические коллекции, собранные на научной основе.

В 1918 году Самарский губернский революционный комитет Совета рабочих и крестьянских депутатов утвердил на должность председателя подотдела охраны культурных ценностей губернского отдела народного образования Владимира Николаевича Перетца – профессора Петербургского университета и действительного члена Академии наук. В 1917 г. он был командирован в Самару Отделением русского

языка и словесности Академии наук. Здесь он возглавил историко-филологический факультет Самарского государственного университета. Несмотря на тяжелейшие условия гражданской войны, ученый не переставал заниматься научной деятельностью в той области, которая его интересовала – описанием и изучением древнерусских рукописей. Согласно отчету В.Н. Перетца о своей деятельности в первые годы революции (1918–1923), который рассматривался на коллегии Наркомпроса, в Самаре он занимался выявлением и описанием рукописных и старопечатных книг, работой в Губмузее в качестве заведующего отделом памятников письменности и Губархиве в качестве эксперта [9].

Академик не раз направлялся в командировку для научных изысканий в библиотеках и монастырях Пугачевского и Балаковского уездов Самарской губернии. Под его руководством сотрудники подотдела собирали сведения об имеющихся в губернии художественно-исторических ценностях, осматривали нумизматические коллекции, ценное оружие, собрания картин, устанавливали факты продажи краденых рукописных исторических книг, имеющих большое научное значение. Для экспертизы привлекались художники В.В. Гундобин, Степанов, профессор А.В. Багрий, эксперт Н.Н. Васильев и другие специалисты [10, л. 9, 12–14].

Одним из любимых учеников В.Н. Перетца был М.Н. Тихомиров – в будущем крупный советский историк. Живя в Самаре в начале 1920-х гг., он вместе со своим учителем спасал архив семьи Аксаковых, многочисленные собрания книг, рукописей, художественных ценностей из Иргизских монастырей, которые удалось вывезти в Самару, Саратов и Пугачев. С этой целью М.Н. Тихомиров совершил три поездки в Пугачевский уезд Самарской губернии – в 1919, 1922 и 1923 гг. Картина закрытых храмов и монастырей Пугачевского уезда выглядела удручающей: ценнейшие предметы искусства и старины, книги лежали в беспорядке на полу. В Спасо-Преображенском монастыре, приспособленном под детский приют, только одна ризница не была разграблена. Здесь хранились около 70 рукописей и около 100 старопечатных книг дониконовской эпохи, множество икон XVII в. Старинные книги, иконы строгановского письма, облачение священников, среди которых была золотая парчовая риза, подаренная монастырю Екатериной II, М.Н. Тихомиров вывез в Пугачев, в местный музей краеведения. Часть найденных рукописей М.Н. Тихомиров привез и в Самару. Возможности спасти все памятники искусства и старины у ученого просто не было. Ему приходилось отбирать только самое ценное, чтобы уместить на одной подводе, поскольку другими транспортными средствами он не располагал [11, с. 62–63].

Многие в те годы полагали, что новый мир должен создаваться на обломках старого. Против такого убеждения были направлены действия и В.Н. Перетца, и М.Н. Тихомирова, которые считали, что в каждом провинциальном городе должны появиться музеи, в которых будут собраны уникальные предметы старины. Эти мечты ученых опирались на установки Наркомпроса, который в 1918 г. ставил цель «основать художественный и историко-археологический музей

в каждом русском городе, лишенном до сих пор такового» [2, л. 11 об.–12].

Ряду провинциальных городов повезло в том, что они, будучи центрами древнерусского зодчества, оказались под «опекой» крупнейших специалистов в области архитектуры и реставрации. Такими городами стали Псков и Великий Новгород.

В Псковский подотдел охраны памятников старины и искусства вместе со вспомогательным персоналом вошли 20 человек, все его научные сотрудники имели высшее образование. С декабря 1918 г. подотдел возглавил Николай Федорович Роот – художник, педагог, преподаватель художественно-промышленной школы. Его заместителем был Андрей Иванович Тарон – художник, окончивший Академию художеств в Петербурге. Секцией охраны заведовал Сергей Николаевич Антонов – художник-архитектор, ученым консультантом по охране был Николай Фомич Окулич-Казарин, еще до Первой мировой войны возглавлявший Псковское археологическое общество [12, л. 4].

Неоценимую помощь Псковскому подотделу охраны памятников оказывали специалисты из Петрограда, курировавшие северо-западный регион России. Среди них был Константин Константинович Романов – талантливый архитектор, преподаватель, который занимался изучением памятников псковской старины еще с 1911 г. После революции 1917 г. он вошел во Всероссийскую коллегию по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, заведовал отделом русского зодчества Российской академии истории материальной культуры (РАИМК). В 1918–1921 гг. под руководством К.К. Романова в Пскове велись работы по восстановлению покрытия на соборе Снетогорского монастыря, история которого восходит к XIII в., кровли над Солодежной – памятником псковской гражданской архитектуры XVII в. и др. В начале 1920-х гг. он указывал на катастрофическое состояние псковских памятников архитектуры: крепостной стены, соборов Мирожского монастыря, Поганкиных палат, построенных в XVII в. по заказу влиятельного псковского купца Сергея Ивановича Поганкина, а в начале XX в. превращенных в музей. Около 300 икон тогда были спасены благодаря тому, что на осыпающуюся часть живописи была наклеена бумага [13]. Средств на настоящую реставрацию тогда не было.

К.К. Романов приезжал в Псков с научными целями и в 1924–1926 гг. несмотря на то, что на эти экспедиции не были отпущены средства. Это вынуждало специалистов продолжать работы по регистрации памятников в сокращенном объеме и за собственный счет. В течение октября 1924 – октября 1925 гг. К.К. Романов вместе со своими помощниками осмотрели 10 населенных пунктов Псковской губернии, в которых описали, зарисовали и обмерили 12 памятников. Благодаря усилиям сотрудников отдела русского зодчества РАИМК за этот период было принято под охрану 152 памятника [14, л. 29].

К.К. Романов собирал материал по древнему колокольно-литейному делу и проводил регистрацию древних колоколов в Пскове. При этом была установлена продажа органами финансового управления на металл древнейших колоколов Пскова, относящихся к XVI в. и имевших литые орнаменты и над-

писи с датой и именами мастеров, их отливавших. Среди вывезенных колоколов были колокола Мирожского и Снетогорского монастырей, имевшие исключительную ценность. К.К. Романов просил срочно взять эти колокола под охрану, пока они еще не были переплавлены [14, л. 21]. Неизвестна дальнейшая судьба этих колоколов, но позиция К.К. Романова в этой критической для памятников истории и культуры ситуации была четкой и принципиальной.

К.К. Романов был также членом комиссии по охране Пушкинского заповедника в Псковской губернии. Он неоднократно приезжал в Пушкинские горы, Михайловское и Тригорское с инспекционными и научными целями [14, л. 24 об.].

В Великом Новгороде работой по спасению художественно-исторических ценностей активно занимался музейный подотдел Новгородского отдела народного образования, который в отчете о своей деятельности в конце 1918 г. отмечал, что производит учет церковного имущества и ценностей, хранящихся при церквях и монастырях [15, л. 9]. Во главе этой работы стоял Николай Григорьевич Порфиридов. Он закончил Новгородскую духовную семинарию (1913 г.) и Петербургский археологический институт (1918 г.) и обладал необходимыми знаниями для решения столь трудных задач. Много лет позднее по совету Д.С. Лихачева Николай Григорьевич напишет воспоминания о Новгороде 1917–1941 гг., в которых даст яркую картину того, как известные ученые, искусствоведы, реставраторы вместе с краеведами-любителями раскрывали произведения древней новгородской живописи, спасали от разорения памятники архитектуры в первые послереволюционные десятилетия.

С большой теплотой Н.Г. Порфиридов вспоминал о Николае Всеволодовиче Лишеве – одном из сотрудников своего подотдела, одаренном художнике, который прослушал курс Археологического института и учился в Академии художеств. Николай Григорьевич подчеркивал, что в дела художественной жизни и охраны памятников Н.В. Лишев входил всей душой. В собственных житейских вопросах он был по-детски непрактичным, однако если приходилось «воевать» за материалы для ремонта памятников старины, он проявлял напористость, настойчивость и принципиальность, «шел в любое учреждение, прорывался в кабинеты к любому начальнику и, волнуясь, тараща глаза, убежденно говорил о мировом значении нередицких или федоростратилатовских фресок, могущих пострадать оттого, что в городе не находится нескольких листов железа для починки крыши или нескольких стекол для окон. Успех подобного рода миссий доставлял ему искреннюю радость» [17, с. 50].

Одним из лучших сотрудников Новгородского Губмузея был Сергей Константинович Матвеевский. Он был художником по образованию (окончил Академию художеств), благодаря чему его знания, опыт, настоящее понимание живописи были очень ценны при экспертизах и разборах предметов. Во время экспедиций по Новгородской губернии в отсутствие фотографа С.К. Матвеевский профессионально зарисовывал архитектуру, интерьеры, отдельные предметы. Такие командировки по губернии были порой для него нелегким делом, ведь Матвеевскому было уже за пятьдесят лет, он страдал стенокардией, а в таких поездках приходилось много ходить пешком [17,

с. 52–53]. Однако Сергея Константиновича эти трудности не останавливали.

Еще одним незаменимым специалистом в Новгородском Губмузее был Василий Алексеевич Квашонкин, приобретший известность как антиквар даже в Москве и Петербурге среди крупнейших собирателей старины, подпись которого часто встречается в книгах поступлений Эрмитажа, Русского музея, музея Штигилица. С.К. Матвеевский так рассказывал об их совместной экспедиции в бывшую усадьбу князя Васильчикова «Выбити» в Старорусском уезде: «... обычно Василий Алексеевич общительный, веселый, шуточный человек. Меня поразило, как он вдруг посерьезнел, когда мы пошли по комнатам Выбительского дворца. Перед каждым старым столиком, креслом, бюро застывал на мгновение, потом говорил: «Это Николай Первый... это Александр... а вот подлинный Павел...» [17, с. 54]. В одном из помещений усадьбы в 1920 г. было решено устроить музей быта, какие часто создавались в подобных случаях. Большая же часть усадьбы передавалась в распоряжение «первой в России сельской фактории имени первого ученого-крестьянина Ломоносова». Задача музейных работников заключалась в том, чтобы обследовать дворец и изъять из него книги, культурно-исторические ценности, которые могли бы составить основу экспозиции музея быта или пополнить губернские музейные коллекции [15, л. 60]. Из таких поездок специалисты Губмузея привозили немало удивительных находок и с удовольствием выслушивали комплименты столичных реставраторов.

В отчете отдела русской живописи РАИМК за период с октября 1924 по октябрь 1925 гг. можно прочесть скупые строки о том, что его сотрудники занимались изучением фресковых росписей в г. Ярославле, Костроме, Ростове, Вологде (Е.П. Реутт-Полетаева), Чернигове, Овруче, Владимире, Звенигороде, Москве (Л.А. Дурново). В нем говорится о том, что отдел участвовал в организованной РАИМК выставке археологических находок и копий фресок Ладоги, Новгорода и Чернигова [14, л. 20].

Методы копирования древнерусской живописи были разработаны Лидией Александровной Дурново в начале 1920-х годов в Петрограде и впервые в широких масштабах опробованы в Новгороде. Она привлекла к этой работе около 20 художниц. В своих воспоминаниях Н.Г. Порфиридов с большим уважением рассказывает о работе художниц-копиисток под руководством Лидии Александровны, которые производили массовое копирование древних фресок Новгорода. Копировщики обычно приезжали в город в начале лета и оставались до осени. Н.Г. Порфиридов говорит о них как о настоящих энтузиастах, которых не смущали никакие бытовые трудности: «Ежедневно, рано утром они уже расходились по своим объектам..., захватив с собой какую-нибудь «сухомятку», и оставались там со своими кальками, ватманскими листами и традиционными деревянными ложечками с разведенной в них темперой на шатких лесах и подмостях до позднего вечера, пока хватало света для работы» [17, с. 163–164]. В течение нескольких сезонов в Новгороде были сделаны копии с фресок Спаса-Нередицы, Вологова, Ковалева, Николо-Дворищенского собора и собора Рождества Богородицы Антониева монастыря. Значение этих копий много-

кратно возросло после того, как большинство новгородских памятников погибло в годы Великой Отечественной войны.

В.Н. Перетц, М.Н. Тихомиров, К.К. Романов, Н.Г. Порфиридов, С.К. Матвеевский, В.А. Квашонкин, Л.А. Дурново и многие другие подвижники культуры в сложный послереволюционный период своим скромным трудом помогали сохранить памятники русской культуры. На их примере можно описать собирательный образ таких подвижников, наиболее яркими чертами которого были глубочайшая интеллигентность, высокий профессионализм, основой которого служили прекрасное высшее образование и богатый практический опыт работы с памятниками старины, самоотверженное служение обществу и культуре на том посту, который специалист занимал, будь то в столице или небольшом губернском городе, полное отсутствие каких-либо меркантильных интересов, необыкновенная увлеченность своим делом и глубокое осознание своей миссии по спасению культурных ценностей, упорство и настойчивость в ее осуществлении, человеческая скромность.

В наше время остро осознается необходимость бережного сохранения памятников истории и культуры. Однако еще более актуальной была эта проблема в первые послереволюционные годы. К спасению художественно-исторических ценностей были привлечены уникальные специалисты, благодаря чему удалось сберечь значительную часть культурного наследия России и ее богатейшие традиции.

Список литературы:

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 2307. Оп. 3. Д. 53.
2. ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 23. Д. 6.
3. ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 3276.
4. ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 28. Д. 23.
5. ГА РФ. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 252.
6. Златоустова В.И., Каспаржская С.А., Кузина Г.А. Музейное дело в России // Российская музейная энциклопедия. В 2 т. Т. 1. М.: Прогресс; Рипол Классик, 2001. С. 401–404.
7. Татаренкова Н.А. Провинциальные музеи России в 1917–1927 гг. // Вояджер: мир и человек. 2017. № 8. С. 207–221.
8. Персоналии самарской археологии [Электронный ресурс] // Самарская областная общественная организация «Самарское археологическое общество». <http://archsamar.ru/history>.
9. Соболев В.С. Отчет академика В.Н. Перетца о своей деятельности в первые годы революции (1918–1923) // Труды Отдела древнерусской литературы. 1992. Т. 45. С. 30–33.
10. Самарский областной государственный архив социально-политической истории. Ф. 1. Оп. 1. Д. 29.
11. Сулейманова Н.И. Роль М.Н. Тихомирова, К.И. Журавлева и А.И. Тереножкина в спасении и сохранении исторических ценностей Иргизских монастырей // 255-летие Иргизского старообрядчества как явления Древлеправославия: мат-лы пятых международных Мальцевских краеведческих чтений (18–19 октября 2018 г.): научный сборник. Саратов–М.: Десятая муза, 2018. С. 61–67.
12. Государственный архив Псковской области. Ф. 590. Оп. 1. Д. 367.
13. Филимонов А.В. Профессор К.К. Романов и Псковская земля // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2009. № 31. С. 114–127.

14. ГА РФ. Ф. 2307. Оп. 10. Д. 79. 16. ГАНО. Ф. 265. Оп. 1. Д. 134.
15. Государственный архив Новгородской области (ГАНО). Ф. 265. Оп. 1. Д. 107. 17. Порфиридов Н.Г. Новгород. 1917–1941: Воспоминания. Л.: Лениздат, 1987. 256 с.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
Татаренкова Наталия Андреевна , кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества, медицины и социальных наук; Самарский государственный медицинский университет (г. Самара, Российская Федерация). E-mail: ntatarenkova@mail.ru.	Tatarenkova Natalia Andreevna , candidate of historical sciences, associate professor of History of Fatherland, Medicine and Social Sciences Department; Samara State Medical University (Samara, Russian Federation). E-mail: ntatarenkova@mail.ru.

Для цитирования:

Татаренкова Н.А. Роль научной и художественной интеллигенции в спасении культурных ценностей (1917–1927 гг.) // Самарский научный вестник. 2024. Т. 13, № 1. С. 91–95. DOI: 10.55355/snv2024131203.